

К. Θ. РЫЛЪЕВЪ*).

I.

Изъ юношескихъ его стихотвореній.

Въ подлинныхъ рукописяхъ К. Θ. Рылъева, хранящихся у его дочери, находятся цѣлыя тетради со множествомъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ ранней молодости. Въ печати изъ нихъ появилось въ теченіе 1820 и 1821 гг. не болѣе 5 или 6, что указываетъ на осторожность и сдержанность поэта, не хотѣвшаго давать публикѣ слабыхъ произведеній своей молодости, хотя, какъ видно, онъ дорожилъ ими собственно для себя, ибо нѣкоторыя переправлялъ и переписывалъ по нѣскольку разъ. Въ числѣ такихъ многократно исправленныхъ и переписанныхъ стихотвореній находятся, между прочимъ, четыре, окончательно написанныя съ особеннымъ тщаніемъ на большомъ листѣ и съ подписями фамиліи, какъ это Рылъевъ обыкновенно дѣлалъ съ предназначенными для печати стихотвореніями. Изъ нихъ напечатаны были въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 г. только первое и второе (Триолетъ Наташѣ и къ Деліи), притомъ послѣднее безъ заключительныхъ стиховъ.

П. А. Ефремовъ.

1.

Къ Деліи.

Опять, о Делія, завистливой судьбою
Надолго, можетъ быть, я разлученъ съ тобою!
Опять, опять одинъ съ тоскующей душой
Въ Пальмирѣ Сѣвера прекрасной,
Брожу въ уныніи, какъ сирота несчастной,
Питая мрачный духъ тоской!

Ничтожной славой ослѣпленный,
Жилище скромное и вѣги и оградъ,

*) См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. т. II, стр. 524—526; изд. 1871 г. т. III, стр. 64—114, 485—525, 647; т. IV, стр. 80, 419, 562—571; изд. 1871 г. т. V, стр. 62—68; 270—282; 419—422; 640—646.

Жилище радостей—твой домъ уединенный,
 Безумецъ промѣнать дерзнулъ на Петроградъ,
 Гдѣ все тоску мою питаетъ,
 Гдѣ сердце юное страдаетъ!

Почто моленіямъ твоимъ я не внималъ;
 Почто, о Делія, съ тобою не остался?
 Ахъ, я-бъ съ тоской теперь и грустью не скитался,
 Но въ хижинѣ твоей съ любовью обиталъ!
 Въ сей хижинѣ, гдѣ я узналъ тебя впервые;
 Гдѣ въ жизни первый разъ, съ потокомъ сладкихъ слезъ,
 Въ часы для сердца дорогіе
 Несмѣлымъ голосомъ «люблю» я произнесъ!
 Гдѣ ты мнѣ на любовь любовью отвѣчала,
 Гдѣ сладострастіе и нѣгу я вкушалъ,
 Гдѣ ты въ объятіяхъ счастливица трепетала,
 Гдѣ онъ мгновенія восторгами считалъ!

Ахъ, скоро-ли опять изъ шумной и огромной
 Пальмиры Сѣвера, о мой безцѣнный другъ,
 Въ часъ полночи въ твой домикъ скромный
 Предстанетъ нѣжный твой супругъ,
 И ты въ объятія къ нему полунагая
 Съ постели бросишься, вся въ радости, въ слезахъ,
 И я забуду все — на трепетныхъ грудяхъ
 Въ восторгахъ пылкихъ утопаю!..

2.

Счастливая переѣна.

Свершилось наконецъ! Я Лидой обладаю
 И за протекшія страданія мои,
 Въ награду пламенной любви
 Теперь въ восторгахъ утопаю!

Вчера, еще вчера, суровый бросивъ взглядъ,
 Надежды Лидинька навѣкъ меня лишила,
 И въ сердцѣ юномъ породила
 Любви пренебреженной адъ!

Въ отчаяннѣ, въ тоскѣ, печальный и угрюмый,
 Въ уединеніе свое я прибѣжалъ;
 Въ умѣ рождались мрачно думы;
 Я то вѣмѣлъ, то трепеталъ...
 Вдругъ слышу голосъ я... и вижу предъ собою
 Младую Лидиньку вечернею порою,
 Въ слезахъ раскаянья, съ любовію въ очахъ,
 Съ улыбкой горестной на розовыхъ устахъ!..
 «Прости, что я не довѣряла,

«Мой милый другъ, любви твоей;
 «Но нынѣ я тебя узнала —
 «И предаюсь взаимно ей!»
 И съ тѣми нѣжными словами
 Вдругъ бросилась въ мои объятія она,
 И страсти пламенной полна,
 Къ моимъ устамъ касалася устами;
 Огонь любви въ очахъ ея пылалъ!
 Въ восторгахъ страстныхъ я и млѣлъ и трепеталъ,
 И Лилу прижималъ
 Къ трепещущей груди дрожащими руками!

3.

Нечаянное счастье.

О радость, о восторгъ! Я Лилу молодую
 Вчера нечаянно узрѣлъ полунаугу!
 Какое зрѣлище отрадное очамъ!
 Власы волнистыя, небрежно распущённы
 По алебастровымъ плечамъ,
 И перси дѣвственны, и ноги обнаженны,
 И стройный, тонкій станъ подъ дымкою одной,
 И полныя огня плѣнительныя очи,
 И все, и все — въ часы глубокой ночи,
 При ясномъ свѣтѣ лампъ, въ обители нѣмой!...
 Дыханья перевести не смѣя, въ изумленьи
 На прелести ея въ безмолвьи я взиралъ —
 И сердце юное пылало въ восхищеньи;
 Въ восторгахъ таялъ я, и млѣлъ, и трепеталъ,
 И взоры жадныя сквозь дымку устремлялъ!...
 Но что я чувствовалъ, когда младая Лила,
 Увидѣвъ въ хранилѣ меня между столповъ,
 Вдругъ въ страхъ вскрикнула и руки опустила —
 И съ тайныхъ прелестей послѣдней спалъ покровъ.

Чтобъ не остановиться на этихъ юныхъ произведеніяхъ, приведемъ еще два изъ позднѣйшей эпохи, именно двѣ „Думы“, написанныя въ половинѣ 1822 и въ началѣ 1823 г., а затѣмъ помѣщаемъ два отрывка изъ поэмы, задуманной Рылзевымъ уже въ позднѣйшее время.

II.

ДУМЫ.

1.

Мстиславъ Удалий.

Какъ тучи съ горъ тѣкли Косоги;
 На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
 Стеналъ поморья брегъ пологій,
 И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.

Ужъ звукъ трубы на полѣ брани
 Сзываетъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;
 Ужъ храбрый князь Тмутаракани
 Кипѣлъ ударить на враговъ.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдъ,
 Отъ вражыхъ отдѣлясь дружинъ,
 Явился съ налицей Редедя,
 Племень Косожскихъ властелинъ.
 Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
 Валится въ бурю черный валъ,
 И сталь, какъ сѣсна, на курганѣ,
 И громогласно провѣщаль:

«Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
 Губить и войско, и народъ?
 Рѣшимъ войну единоборствомъ:
 Пускай за всѣхъ одинъ падеть!
 Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
 И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
 Тому владѣть врага странюю,
 Или отдать ее на щить!»

«Готовъ!» — Князь русскій восклицаетъ —
 И грозный сталь передъ бойцомъ,
 Съ коня — и на курганъ взлетаетъ
 Удамый, яснымъ соколомъ.
 Сошлись, схватились, въ бой вступили...
 Могучъ и князь и великанъ!
 Другъ друга стиснули, сдавили;
 Трещать.... колеблется курганъ!...

Стоять — и мигъ счастливый ловятъ;
 Какъ вихрь крутятся... прахъ летитъ...
 Погибель, падая, готовятъ,
 И каждый яростью влпнитъ...
 Хранять молчаніе два строя,
 Но души вопновъ въ очахъ:
 Смотра по перемѣнамъ боя,
 Въ нихъ блещеть радость или страхъ.

То русскій хочетъ славить Бога,
 Простерши длани къ небесамъ;
 То вдругъ слышна мольба косога:
 «О! помоги, Всевышній, намъ!»
 И вотъ князья, напрягли силы,
 Другъ друга ломать, льется потъ...
 На нихъ, какъ верви, вздулись жилы:
 Колеблется и сей, и тотъ....

Глаза, налившись кровью, блещутъ,
 Колѣна крѣпкія дрожать,
 И мышцы сильныя трепещутъ,
 И искры сыплются отъ латъ....
 Но вотъ — Мстиславъ изнемогаетъ —
 Онъ падаетъ!... конецъ борьбѣ!...
 «Святая Дѣва!» — восклицаетъ:
 «Я храмъ сооружу тебѣ!...»

И сила дивная мгновенно
 Влилася въ князя... онъ возсталъ,
 Рванулся бурей разъяренной,
 И новый Голиаѳъ упалъ!
 Упалъ — и сталъ курганъ горою....
 Мстиславъ широкій мечъ извлекъ,
 И придавивъ врага плетью,
 Главу огромную отсѣкъ.

2.

Михаилъ Тверской.

За Узбекомъ въ слѣдъ влекомый
 Кавгадыемъ Михаилъ,
 Въ край чужой и незнакомый
 Съ сыномъ юношей вступилъ.
 Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
 Межъ нависшихъ береговъ;
 Зрѣлись горъ хребты подъ слѣгомъ
 Изъ-за сизыхъ облаковъ.

Станъ Узбековъ за рѣкою,
 На степи, въ глуши нестрѣль;
 Всюду вонны толпою;
 Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
 Ветхымъ рубищемъ покрытый,
 Съ мрачной грустію въ груди,
 Князь - страдалецъ знаменитый
 Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

Несчастливца обступили
 Любопытные толпой:
 «Это князь былъ!» говорили,
 И качали головой.
 «Онъ обширными странами,
 Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ;
 Онъ съ отважными полками
 Кавгадыя поражалъ!...»

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
 Загрустилъ слыиѣ князь;
 Вспомнилъ славу — и впервые
 Слезы брызнули изъ глазъ,
 «До какого униженья,»
 Онъ мечталъ, потупя взоръ,
 «Довели насъ заблужденья
 И погибельный раздоръ!

«Тѣ, которыхъ трепетали
 Хитрый грекъ и храбрый ляхъ,
 Нынѣ вдругъ рабами стали
 И предъ хапомъ пали въ прахъ
 Я любилъ страну родную
 И пылалъ разрушить въ ней
 Нашихъ бѣдъ вину примую:
 Распри злобныя князей.

«О Георгій! ты виною,
 Ты одинъ тому виной,
 Если кровь согражданъ мною
 Пролита въ странѣ родной!
 Ты на дядю поднялъ длани;
 Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
 Что на Русь всю лютость брани
 И татаръ толпы навлекъ!

«Смерть свою давно предвижу;
 Для побѣга други есть —
 Но побѣгомъ не унижу
 Незапятнанную честь!
 Табъ! правъ чести не нарушу;
 Пусть мой врагъ, гонитель мой,
 Насыщаетъ въ злобѣ душу
 Лютымъ мщеньемъ надо мной!

«Пусть вымалливаетъ казни!
 Твердъ и правъ въ душѣ своей,
 Смерть я встрѣчу безъ боязни,
 Какъ въ бояхъ слетался съ ней.
 Не хочу своимъ спасеньемъ
 На родимый край привлечь
 Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ,
 И Узбека грозный мечъ!» —

Подкрѣпленный сею думой,
 Приподнялся Михаилъ,
 И спокойный, но угрюмой,
 Тихо въ свой шатеръ вступилъ.

Кавгаднемъ обольщенный,
 Между тѣмъ младый Узбекъ,
 Въ сердцѣ трепетный, смятенный,
 Смерть невинному изрекъ....

Ужъ Георгій съ палачами
 И коварный другъ царя
 Шли поспѣшными шагами
 Къ жертвѣ, злобою горя....
 Предъ иконою святою
 Михаилъ псаломъ читалъ:
 Вдругъ съ той вѣстью роковою
 Отрокъ княжескій вѣждалъ....

Въ слѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
 Ворвались въ густыхъ толпахъ:
 Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
 Злоба алчная въ чертахъ....
 Ворвались — и напали....
 Какъ гроза въ глухой ночи,
 Надъ упавшимъ засверкали
 Ятаганы и мечи....

Кровь изъ язвъ лилась струею....
 И пробилъ его конецъ:
 Сердце холодною рукою
 Вырвалъ дикій Романецъ.
 Князь скончался жертвой мщенья!
 Съ той поры онъ всюду чтимъ:
 Михаила за мученья
 Церковь празднуетъ святымъ.

III.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ: „НАЛИВАЙКО“.

1.

Кіевъ.

Едва возникнувшій изъ праха,
 Съ полуразвѣчаннымъ челомъ,
 Добычей дерзостваго лаха
 Дряхлѣеть Кіевъ надъ Днѣпромъ.

Какъ все измѣнчиво, не прочно!
 Когда-то роскошью восточной
 Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
 Смотрѣлся въ Днѣпръ съ береговъ высокихъ,
 И красотой изъ странъ далекихъ

Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
 На шумныхъ торжищахъ звенѣли
 Царь-градскимъ золотомъ купцы,
 Въ садахъ по улицамъ блестяли
 Великолѣнные дворцы.
 Среди хазаръ и печенѣговъ
 Дружиной витязей хранимъ,
 Онъ посмѣвался, невредимъ,
 Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
 Народамъ диво и краса,
 Воздвигнуты рукою дерзкой,
 Легко возносились въ небеса
 Главы обители Печерской,
 Какъ души иноковъ святыхъ
 Въ своихъ молитвахъ неземныхъ.
 Но ужъ давно, давно не видно
 Богатствъ и славы прежнихъ дней,—
 Всѣ Русь утратила постыдно
 Междоусобіемъ князей:
 Дворцы, серебро, врата златныя,
 Толпы гражданъ, толпы дѣтей —
 Все стало жертвою Батыя;
 Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
 Прошло владычество татаръ!
 На мигъ раздался гласъ свободы,
 На мигъ воскреснули народы...
 Но Кіевъ на степи глухой,
 Дивить ужъ болѣ неспособный,
 Подъ властью лаха роковой,
 Стоитъ, какъ памятникъ надгробный
 Надъ угнетенною страной.

2.

Смерть чигиринскаго старосты.

Съ пицалью мѣткой и копьемъ,
 Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
 На армакѣ ворономъ
 По степи мчится Наливайко.
 Какъ вихорь, бурный конь летить,
 По вѣтру хвостъ и грива вьется,
 Густая пыль изъ-подъ копытъ
 Какъ облако во слѣдъ несется...
 Летить... привсталъ на стременахъ,
 Въ туманъ далекій взоры топить,
 Узрѣлъ — и съ яростью въ очахъ
 Коя и нудить и торопить...

Какъ точка передъ нимъ вдали
 Чернѣть что-то въ дымномъ полѣ;
 Вотъ отдѣлилась отъ земли,
 Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ.
 И, наконецъ, на вышинѣ,
 Средь мглы сѣдой, въ степи пустынной
 Вдругъ показался на конѣ
 Красивый всадникъ съ пикой длинной...
 Казакъ коня быстрѣй погналъ;
 Въ его очахъ веселье злое...
 И вотъ — почти ужъ доскакалъ...
 Конье направилъ роковое,
 Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
 За стремя зацѣпясь ногою,
 И конь испуганный помчалъ
 Младого ляха подъ собою.
 Летитъ, какъ ястребъ, витязъ въ слѣдъ;
 Коня измученнаго колетъ
 Или въ ребро, или въ хребетъ,
 И въ дальній бѣгъ его неволяетъ.
 Напрасно ногу бѣдный ляхъ
 Освободить изъ стремя рвется —
 Лепитъ, глотая черный прахъ,
 И слѣдъ кровавый остается...

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Эпиграмма на исторіографа Н. М. Карамзина.

«Послушайте, я разскажу вамъ старину
 Про Игоря и про его жену,
 Про Новгородъ, про время золотое
 И наконецъ про Грознаго царя...»
 — Эхъ, бабушка, затѣяла пустое
 Окончи лучше намъ Илью Богатыря.

А. С. Грибоѣдовъ.